
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 930.1

DOI 10.25730/VSU.2070.19.012

Историки на фоне смены эпох: «железный век» как предмет историографии

Т. А. Воробьева

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук.
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: listak@mail.ru

Аннотация. В рецензии представлен анализ книги А. В. Гордона «Историки железного века», посвященной жизни и творчеству тех, кто стоял у истоков формирования советской историографии Великой французской революции, а также их продолжателей. Автор книги делится с читателем своими воспоминаниями об известных историках, кого знал непосредственно или через их родственников. Основная идея книги – показать, насколько сложен, а подчас трагичен был путь ученых, искренне веривших в идеалы Русской революции, в ее справедливость, но жил и творил в условиях «жесткого» идеологического режима, так называемой «культуры партийности». Без учета этой коллизии трудно понять специфику советского общества, успехи и победы «железного века». Автор показал собственный путь в науку в то время.

Ключевые слова: Французская революция, «культура партийности», дискуссии, якобинская диктатура, «движение бешеных», русская дореволюционная школа.

В преддверии 230-й годовщины Великой французской революции вышла новая книга доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук Александра Владимировича Гордона «Историки железного века». Это не продолжение его предыдущих работ о советской историографии Французской революции¹. Как пишет сам автор, «исследование носит личностный характер», а «история историков заслуживает не меньшего внимания, чем история событий, которые они описывали, и тех, что они переживали» [1, с. 6]. Жизнь и деятельность больших ученых – тема неисчерпаемая, особенно таких, которые стояли у истоков формирования советской историографии Великой французской революции. Тем более интересно, что их путь в науку был связан с Русской революцией 1917 г., а научная деятельность осложнялась преследованиями, арестами, ограничениями связей с зарубежными учеными. В центре внимания автора – мир этих людей, их чувства, разочарования и вера, их судьбы.

Для А. В. Гордона важно было показать современному читателю, что ученый – это человек конкретной социально-политической эпохи, со своим мировоззрением, представлениями о ценностях окружающего мира, уровнем культуры.

К какому жанру принадлежит книга А. В. Гордона? С одной стороны, это историко-биографический труд. С другой стороны, накопленные сведения, личное знакомство почти со всеми персонажами книги или с их родственниками позволило Александру Владимировичу обратиться к мемуарному жанру – это увлекательный рассказ о пути в науку самого автора, которому повезло в студенческие годы стать учеником Я. М. Захера.

Историки «железного века», какими они были? Что стимулировало их к постоянному поиску, каков их вклад в отечественную науку? Негативное восприятие современным поколением советской эпохи распространяется и на тех, кто жил, творил, отстаивал свои принципы и веру, причем жизнь многих из них складывалась трагически. Заслугой А. В. Гордона, на наш взгляд, является попытка обратить внимание читателя на «обстоятельства жизни», без учета которых трудно понять то время. В обществе, в том числе и в науке, были люди, ис-

© Воробьева Т. А., 2019

¹ См., например, Гордон А. В. Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009. 381 с.

кренне веровавшие в свои идеалы, «в революционный марксизм», у них было «особое состояние духа, Вера – Solo fide». Революция стала для них источником творческого вдохновения. Параллельно с этим формировался другой принцип – «партийности в науке»², несоблюдение которого сопровождалось политическими обвинениями вплоть до уголовного преследования. Но даже в самые трагические 1930-е годы появлялись «еретические» мысли. В период репрессий (автор приводит слова известного индолога К. Антоновой), «защита чести и достоинства человека» была для ряда ученых «не простым звуком» [1, с. 119]. Книга А. В. Гордона в определенной степени опровергает утверждения тех, кто считает, что в советский период наука, утрачивая личностное начало, становилась на путь вырождения.

Внимание автора сконцентрировано на наиболее ярких и творческих профессионалах, формировавших среду, в которой развивалось историческое знание. Они жили в разное время – поколение 20–30-х годов, эпоха оттепели и последовавшего развитого социализма. Условия становления их как будущих ученых, естественно, были различными. Широко используя разнообразные источники: документы личного характера (воспоминания самого автора об общении с большинством персонажей книги, с их родственниками, материалы из личного архива), воспоминания ряда зарубежных историков, документы Архива РАН и многие др., А. В. Гордон смог создать живые и очень интересные, непохожие друг на друга образы. Это сохранивший «романтическую веру в идеалы революции» В. Далин, сдержанный Я. М. Захер, ученик Н. Кареева, связь с которым сопровождала его всю жизнь. Я. М. Захер оказался и наиболее близким по духу самому автору книги. «Из горнила Русской революции» пришли к исследованию Французской революции Я. В. Старосельский и расстрелянный в 1937 г. Г. С. Фридлянд. Не боявшийся проявлять свою позицию в период утверждения «культуры партийности», «уникальный исследователь-мыслитель» Б. Ф. Поршнев представлен как интересная и неоднозначная личность. Он, как и Старосельский, был склонен «к озорству, эпатажу», что, по замечанию автора, было проявлением «сопротивления насаждаемой казенщине в общественной и научной жизни» [1, с. 174]. Достойное место в составленной А. В. Гордоном галерее заняли «историк-концептуалист» А. В. Адо, «философствующий историк» из Одессы В. Алексеев-Попов и почетный гражданин Ульяновска С. Л. Сытин. Тщательно прописанные запоминающиеся портреты Е. В. Тарле и А. З. Манфреда выполнены на фоне их работы над книгами о Наполеоне Бонапарте. Все герои книги (а каждому из них посвящена отдельная глава), представлены уважительно, выделяются, прежде всего, те их качества, которые симпатичны автору книги. Стоит заметить, что наиболее объемные главы (без учета примечаний) посвящены Поршневу, Тарле, Манфреду и Адо. Но первенство принадлежит материалам об учителе А. В. Гордона Я. М. Захере.

Все герои книги не были свободны от происходивших в стране внутривосточных процессов. Если рассматривать советскую историографию Французской революции в динамике, то видно, что условия для научного творчества в 20-е годы существенно отличались от 30-х, не говоря уже об эпохе «оттепели». Автор отдельно выделяет рубеж 20–30-х годов, который, по его мнению, «незаслуженно “выпал” в отечественных исторических исследованиях» [1, с. 33]. Именно в это время началась «великая перековка» историков «старой школы» и формирование первого поколения историков-марксистов.

Именно в эти годы происходило становление основ советского историознания. Личная причастность к революционным событиям 1917 г. и строительству нового общества в России обусловила интерес к истории Великой Французской революции. В тот период тема аналогии Октябрьской и Французской революций широко обсуждалась в том числе и во французской научной среде. Вместе с тем, по словам автора, предпосылкой этого интереса стали достижения русской дореволюционной школы («*ecole russe*»), представленной именами В. Герье, Н. Кареева, И. Лучицкого и др., занимавшей уже тогда достойное место в европейской исторической науке³. Не случайно понятие «*ecole russe*» ввели в научный оборот французские историки А. Олар, Ж. Жорес, А. Матъез. Вместе с тем советская наука о Французской революции, по словам А. В. Адо, имела «свою судьбу» и задавала «свои вопросы» [1, с. 19].

² Этот принцип А. В. Гордон раскрывает в монографии: Гордон А. В. Власть и революция: Советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов : Научная книга, 2005. 252 с.

³ О традиционном интересе русского общества к Французской революции см.: Гордон А. В. Великая французская революция как явление русской культуры // Исторические этюды о французской революции. Памяти В. М. Далина. М. : ИВИ РАН, 1998.

Основная проблематика в советской историографии Великой французской революции закладывалась в 1920-е годы – Г. С. Фридляндом, Я. М. Захером, Я. В. Старосельским, В. М. Далиным, С. М. Моносовым. Творческие судьбы этих людей были разными. Так, Виктор Моисеевич Далин «пришел в науку» из «Русской революции», был выпускником Института красной профессуры, своими учителями называл Н. М. Лукина, В. П. Волгина и А. Матъеза. Это был человек, который, по словам А. В. Гордона, оставался «до конца верным однажды пропетой “Гренаде”» [1, с. 283]. Похожий путь прошли Фридлянд (юридический факультет Петроградского психоневрологического института, с 1925 г. имени его основателя В. М. Бехтерева) и Старосельский (Институт государства и права Комкадемии). Я. М. Захер, хотя и принадлежал к «революционному поколению», к тем, кто пришел в историческую науку вместе с революцией 1917 г. [1, с. 99], не был участником революционных событий. Первые профессиональные шаги в науке были им сделаны в семинаре Н. И. Кареева. Он окончил юридический и историко-филологический факультеты Петроградского университета. Привлекает внимание ремарка автора о том, что марксизм для Захера «оставался скорее идейно-политической, чем методологической позицией» [1, с. 100].

На этапе становления советской историографии французской революции ключевой стала многоаспектная тема якобинской диктатуры. На примере творчества историков, о которых идет речь в книге, автор показывает, что расхождения в оценках характера якобинской диктатуры, роли народных масс, якобинского террора, термидора и других событий обозначились буквально с первых шагов. Poleмика, прежде всего, развернулась между теми, кто «недавно пришел к марксизму», и «историками-марксистами». К первой группе, естественно, относили Я. М. Захера. Актуализируя этот период, Гордон обращает внимание читателя на то, что дебаты, начатые тогда Захером и Фридляндом, были продолжены уже в 70-е гг. А. Манфредом и В. М. Далиным с одной стороны и В. Г. Ревуненковым с другой [1, с. 128].

Идейно-политический плюрализм первой половины 20-х годов допускал расхождения в оценках, научные споры между учеными. Например, Я. М. Захер акцентировал внимание на «внутриполитических и социальных противоречиях в якобинском блоке», что привело, по его мнению, «к внутреннему перерождению монтаньярской партии», к поражению Робеспьера. По его мнению, якобинская диктатура была, скорее всего, «революционной организацией буржуазии», он не признавал в полной мере демократический характер диктатуры [1, с. 287].

В связи с этим магистральной в его творчестве стала тема «движения бешеных», которое он рассматривал в качестве самостоятельной силы. В свою очередь Фридлянд и Старосельский исходили из революционно-демократической природы якобинской диктатуры, считая ее широкой коалицией, состоящей преимущественно из мелкой буржуазии и плебейства [1, с. 107–108]. Однако к концу 20-х годов на фоне кампании борьбы против оппозиции плюрализм мнений начал оборачиваться политическими обвинениями. Предложенная в рамках «культуры партийности» классово-формационная схема ограничивала возможности сосуществования различных научных гипотез. Так, версия Захера о «перерождении монтаньярской партии» вызвала возражения Фридлянда и Старосельского, упрекавших своего коллегу в «недостаточном классовом подходе». Выступая с критикой книги Захера «Термидор», Фридлянд утверждал, что переворот носил классовый характер и не был конфликтом личных интересов монтаньяров. Тем не менее, считает Гордон, и Фридлянд не был апологетом официальной линии об исторической роли якобинской диктатуры, так как признавал «противоречивость» якобинской диктатуры и, таким образом, «как бы проговаривал прогрессивность термидорианского переворота» [1, с. 27–28]. Однако ему вскоре пришлось скорректировать свои взгляды в соответствии с канонами. «Идейные метания Фридлянда в оценках Термидора» Гордон объясняет «нагнетанием идеологической борьбы». Мы не знаем, какую позицию в этом вопросе он бы занял во времена «оттепели», если бы не был репрессирован в сталинскую эпоху.

Концепция якобинской диктатуры как революционно-демократической по своим движущим силам и характеру, выдвинутая Фридляндом и Старосельским, была воспринята Далиным и Манфредом. Сторонники этой линии в советской исторической науке преобладали. Я. М. Захер по существу оказался в меньшинстве. Однако позже, в конце 60-х годов, его подход сделался своеобразным отправным пунктом для В. Г. Ревуненкова в его ревизии «школы Лукина-Манфреда» [1, с. 128].

Дебаты по поводу характера якобинской диктатуры привели к рассмотрению вопроса о роли народных движений, так называемой «плебейской революции». Эта тема нашла отражение в работах Фридлянда о Марате, Далина о Бабефе, в монографии Захера «Движение бешеных»

(1931 г.). Позиция последнего сводилась к тому, что «движение бешеных», при всей идеологической близости к якобинцам, все же было самостоятельным, оно составляло «крайне левое крыло революционной демократии» в эпоху Французской революции. С этим утверждением не согласны были Фридлянд и Старосельский. Они считали, что «бешеные» – это левое, революционное крыло якобинской диктатуры. Захер отнюдь, противопоставляя «движение бешеных» якобинцам, оценивал его как объективно реакционную силу, что не соответствовало официальной установке на авангардность роли народных масс. В результате ему пришлось пойти «на уступку» – говоря о Жаке Ру и его сторонниках, Захер должен был признать, что «бешеные» частично выражали настроения формирующегося промышленного пролетариата». В 1938 г. Я. М. Захер пополнил ряды жертв сталинских репрессий, но после реабилитации он вернулся к теме «бешеных», которая вплоть до 1956 г. в советской историографии фактически не разрабатывалась. В 1961 г. была опубликована вторая редакция книги «Движение бешеных». Завершается она выводом об историческом значении этого движения, которое, по мнению ученого, состояло в том, что они требовали «смелого государственного вмешательства в свободную игру экономических сил, вступали в решительное столкновение с интересами и политикой жирондистов и якобинцев». Пересмотрев некоторые свои прежние оценки, Захер остался верен тезисам о самостоятельности этого движения, существовании противоречий между «бешеными» и якобинцами, что по-прежнему не соответствовало позиции большинства советских франковедов.

Гордон отмечает, что и в условиях «оттепели» «роль плебейских масс во Французской революции оказалась многострадальной темой», демонстрируя это историей публикации монографии Я. М. Захера в начале 60-х гг. [1, с. 130–132]. Напомнив читателю, что тема «бешеных» в истории Французской революции восходит к Кропоткину и через Кареева передалась Захеру, автор подчеркивает верность своего героя традициям «*ecole russe*», несмотря на отстранение его от научной работы на десятилетия. При этом оценки Захера были поддержаны Б. Ф. Поршневым, в то время как с ними не согласны были Далин и Манфред.

В направлении, заданном Захером, работал ульяновский историк С. Л. Сытин [5], выдвинувший тезис о руководстве «бешеными» движением городских низов Парижа [1, с. 352]. Такая оценка вызвала возражение В. Далина, по мнению которого, Сытин якобы умалял роль Г. Бабефа [1, с. 353]. Отмечая вклад ульяновского историка в разработку проблемы «бешеных», Гордон пишет о его приоритетной роли в определении массового движения парижской бедноты как «секционного движения». Таким образом, Сытин почти на десять лет опередил французского историка А. Собыля [1, с. 353].

В историографии Французской революции на всех этапах ее развития актуальной проблемой был вопрос якобинского террора. Чем это было обусловлено? Гражданской войной или внешним фактором – защитой завоеваний революции от внешних врагов? Можно ли считать террор универсальным средством или это казуальная необходимость? Эта тема, как отмечает автор, «имела откровенно политические детерминанты» [1, с. 27], привела к полемике с французским ученым А. Оларом, а позже – с А. Матъезом.

О восприятии якобинского террора в контексте конкретной политической ситуации в стране интересный материал читатель найдет в главах, посвященных Г. С. Фридлянду и Я. В. Старосельскому. В частности, последнему принадлежит заслуга в концептуализации «революционного террора, его необходимости и плодотворности», в том числе для решения экономических задач [1, с. 72]. Обобщая вклад Старосельского в изучение Французской революции, автор указывает, что одной из первых, опубликованных монографией по Французской революции в советской историографии, была его книга «Проблемы якобинской диктатуры» (1930 г.). Одновременно Гордон обращает внимание на разработку Старосельским такой проблемы, как «народоправство», «политическая самоорганизация масс на низовом уровне». Но «идея народоправства», как замечает автор, противоречила формировавшейся в стране власти «партийной бюрократии». В результате книга Я. Старосельского «Борьба за народоправство в буржуазной демократии» не была опубликована⁴, а ее автора с группой «Союз марксистов-ленинцев» М. Н. Рютина [1, с. 78–79] привела к аресту. Парадоксальность ситуации, как пишет автор, состояла в том, что «ученый, зарекомендовавший себя в профессиональном сообществе историков-марксистов, заявивший о своей глубокой вере в марксизм, был обвинен в немарксистских взглядах» [1, с. 86].

⁴ О судьбе рукописи книги Я. В. Старосельского «Борьба за народоправство в буржуазной демократии» см.: Гордон А. В. Историки железного века. М. ; СПб : Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 95–96.

В пятой главе «Наполеон в советской историографии от Тарле к Манфреду» речь идет о восприятии роли личности на разных этапах развития советской историографии, сопоставляется подход к этой теме представителя старой школы Е. В. Тарле и А. З. Манфреда – представителя школы «историков-марксистов». Но не только историческая ментальность нашла отражение в концепции роли личности в революции. Значительное влияние оказывала политическая обстановка в стране. Автор приводит слова Манфреда, который так объяснял причины «собственного табу» на тему о Наполеоне: «Миновало более тридцати пяти лет... Мир во многом стал иным, и поколение 70-х годов XX века... видит и воспринимает многое иначе, чем люди 30-х годов» [1, с. 255]. Манфред писал своего Наполеона, когда в стране была «иная публичная сфера, менее порабощавшая человека» [1, с. 251]. Самому автору книги, А. В. Гордону, в свое время также по идеологическим мотивам пришлось отказаться от разработки темы, которая его интересовала. В 1961 г. в качестве диссертационного исследования он предложил тему падения якобинской диктатуры, которая не была принята, а через 10 лет ею уже можно было заниматься [1, с. 253].

В этой главе дается краткая, но очень емкая картина политической обстановки, в которой Е. В. Тарле пришлось писать свой труд о Наполеоне. Эпоха 1930-х годов сделала востребованным образ Наполеона, прирожденного монарха, императора, государственника. Не случайно в советской историографии Французской революции тех лет наблюдался своеобразный переворот – переход от «культы революции» к «культу власти». В этом плане Наполеон олицетворял универсальный типаж правителя. Как пишет А. В. Гордон, Тарле создал образ гениальной личности, но придал Наполеону черты «объективно прогрессивного “душителя революции”» [1, с. 256]. Для Манфреда, работавшего над монографией о Наполеоне в другое время, интереснее было дать психологический портрет, показать его приверженность революционной традиции. Образ Наполеона у Манфреда получился более многомерным, чем у Тарле. На сравнении двух подходов к образу исторической личности автор продемонстрировал, как «дух эпохи» влиял на историческую науку. Подводя итог, Гордон задается вопросом: «Позволяет ли дистанция времени быть беспристрастными?» Наверно, нет. И автор указывает на существовавшую в российском обществе «традицию почитания Наполеона»: «Культ Наполеона был явлением в русской культуре» [1, с. 257].

Хочется остановиться еще на одной личности, занявшей достойное место в историографии Французской революции, – Анатолии Васильевиче Адо. Во-первых, он автор первой в мире монографии о крестьянских восстаниях 1789–1794 годов. Во-вторых, он автор концепции крестьянства как субъекта Французской революции. И, как пишет Гордон, «Адо создал историографический шедевр... – превзойти это творение едва ли кто может» [1, с. 384]. В отличие от либеральных западных историков, которые фактически «отвернулись» от крестьянской темы во Французской революции, Адо рассматривал крестьянство как важную движущую силу революции. Монография «Крестьянское движение во Франции во время великой буржуазной революции конца XVIII века» была настолько значительной, что была опубликована во Франции, Германии, Италии, Португалии, США. В очерке, посвященном этому историку, автор размышляет по поводу «научных школ», в числе которых была и «школа Адо» в МГУ. Интересен материал о личностном восприятии Анатолия Васильевича Гордоном, контактах с ним в качестве оппонента его диссертантов. А. В. Адо, в свою очередь, был автором официального внешнего отзыва на диссертацию Гордона. Анатолий Васильевич имел «превосходные личные отношения с Манфредом и Далиным», которые «исповедовали “якобиноцентризм”» и в известной мере были приверженцами того «культы власти», который сложился в изучении Французской революции в 30-х годах. По этому поводу автор замечает, что он через Захера, а Адо через Б. Ф. Поршнева унаследовали характерный для 20-х годов «культ революции» как великого народного движения [1, с. 389]. Однако расхождения в научных позициях не мешали всем им сохранять добрые, уважительные отношения, как творческие, так и личные.

Существенным дополнением к образам известных историков-франковедов послужил фактический материал об их связях с зарубежными учеными. Конечно, в какой-то степени советские историки были изолированы от зарубежной творческой среды, существовала система регламентированного «международного научного сотрудничества». Однако тезис об изоляции не следует абсолютизировать. В книге представлен интересный материал о контактах с зарубежными историками, в первую очередь с французскими из школы А. Матьева, затем Ж. Лефевра. Вместе с тем уровень этих контактов часто зависел не только от внутрисоветской обстановки в стране, контроля власти за личными связями, перепиской, но и от

личностных отношений. Возникавшие при этом коллизии автор раскрывает на ряде примеров. Так, В. М. Далин, который считал французского историка А. Матьеза своим учителем, творчество которого он всегда высоко оценивал, принял активное участие в кампании советских историков против Матьеза. А вся вина французского ученого состояла в том, что он осудил гонения против Е. В. Тарле и критически воспринимал советскую политическую систему. Или другой пример. Фридлянд, будучи активным популяризатором творчества Матьеза, опубликовал обличительную статью против этого историка [1, с. 36]. Автор описывает ситуацию, возникшую в конце 60-х годов в связи с выходом книги английского ученого Р. Кобба («Второе самоопределение» [Second identity]). Пересмотр этим ученым некоторых прежних своих позиций по истории Французской революции, в частности были даны негативные оценки Робеспьера и Сен Жюста, вызвал критику со стороны приверженцев «революционной традиции» в историографии – Далина и Манфреда. Попытка Гордона показать, что принципиальных изменений в подходах Кобба не произошло, не была поддержана Адо.

После освобождения Я. М. Захер восстановил интенсивные связи с А. Собоулем, Вальтером Марковым, Р. Коббом, Дж. Рюде, работы которых были наиболее заметным явлением того времени. Общение с зарубежными коллегами завязывалось, как правило, «окольными путями». В этом ему помог советский ученый-германист А. Е. Ерусалимский [1, с. 137]. Гордон пишет о том, что в СССР была группа ученых – официальных представителей советской науки за рубежом: Б. Ф. Поршнев, А. З. Манфред, Я. М. Захер и В. М. Далин считались «невъездными».

Достижения советского франковедения были высоко оценены на Западе. В книге приводится ряд фактов. Например, Матьез в 1927 г. призвал французских историков учить русский язык ввиду важности выходящих в СССР работ [1, с. 44]. Или другой факт: чикагский профессор Льюис Готшалк – автор книги о «Друге народа» – признал работу Фридлянда «Марат» «самой серьезной попыткой изучения идейной биографии Марата» [1, с. 44]. Французский историк Ж. Вальтер высоко оценил книги Старосельского о яacobинской диктатуре. Много места автор отводит зарубежным оценкам творчества Захера.

Отдельный сюжет книги связан со становлением самого автора как ученого. По существу, можно проследить весь его путь от студенческой скамьи до доктора исторических наук. Автор монографии не только вобрал в себя достижения советской и зарубежной науки, но и смог сформироваться как самостоятельный ученый, общаясь с коллегами, споря с ними, имея собственные оценки и суждения, умея их аргументировать, независимо от авторитетов. И это, между прочим, происходило в советское время, когда независимость суждений в науке особенно не поощрялась. У А. В. Гордона были свои профессиональные пристрастия, однако на протяжении всей книги чувствуется уважительное отношение ко всем коллегам, современникам и предшественникам. Можно согласиться с автором, что в личном плане все его герои самобытны и яркие личности [1, с. 10], хотя масштаб и место в исторической науке у каждого из них различен.

Книга А. В. Гордона об историках «железного века» – это действительно интересная и содержательная работа, в которой представлен неоднозначный, противоречивый образ советской исторической науки, лучшие представители которой внесли в свои труды «ощущение «личной причастности» и к революции 1917 г. и к революции 1789 г.» [2, с. 359].

Список литературы

1. Гордон А. В. Историки «железного века». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с.
2. Гордон А. В. Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009. 381 с.
3. Гордон А. В. Власть и революция: Советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов: Научная книга, 2005. 252 с.
4. Гордон А. В. Великая французская революция как явление русской культуры // Исторические этюды о французской революции. Памяти В. М. Далина. М.: ИВИ РАН, 1998.
5. Сытин С. Л. Революционное движение плебейских масс Парижа под руководством Ру и Леклерка в 1793 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952.

Historians against the background of changing eras: "iron age" as a subject of historiography

T. A. Vorobyova

PhD of Historical Sciences, associate professor of History and Political Sciences. Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: listak@mail.ru

Abstract. The review presents the analysis of A. V. Gordon's book "Historians of the iron age", devoted to the life and work of those who stood at the origins of the formation of Soviet historiography of the Great French revolution, as well as their successors. The author of the book shares with the reader his memories of famous historians, whom he knew directly or through their relatives. The main idea of the book is to show how difficult and sometimes tragic was the way of scientists who sincerely believed in the ideals of the Russian revolution, in its justice, but lived and worked in a "hard" ideological regime, the so-called "culture of party." Without this conflict, it is difficult to understand the specifics of Soviet society, the successes and victories of the "iron age". The author showed his own way into science at that time.

Keywords: French revolution, "culture of party", discussions, Jacobin dictatorship, "mad men's movement", Russian pre-revolutionary school.

References

1. Gordon A. V. *Istoriki "zheleznogo veka"* [Historians of the "iron age"]. M. ; SPb. Center for humanitarian initiatives. 2018. 448 p.
2. Gordon A. V. *Velikaya francuzskaya revolyuciya v sovetskoj istoriografii* [The Great French revolution in Soviet historiography]. M. Nauka. 2009. 381 p.
3. Gordon A. V. *Vlast' i revolyuciya: Sovetskaya istoriografiya Velikoj francuzskoj revolyucii. 1918-1941* [Power and revolution: Soviet historiography of the French revolution. 1918-1941]. Saratov. Scientific book. 2005. 252 p.
4. Gordon A. V. *Velikaya francuzskaya revolyuciya kak yavlenie russoj kul'tury* [The Great French revolution as a phenomenon of Russian culture] // *Istoricheskie etyudy o francuzskoj revolyucii. Pamyati V. M. Dalina* – Historical studies of the French revolution. In Memory of V. M. Dalin. M. Institute of Universal History of RAS. 1998.
5. Sytin S. L. *Revolucionnoe dvizhenie plebejskih mass Parizha pod rukovodstvom Ru i Leklerka v 1793 g. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Revolutionary movement of plebeian masses of Paris under the leadership of Roux and Leclerc in 1793 : abstr. dis. ... PhD of Hist. Sciences]. M. 1952.